

Акротеза с повтором тематического компонента в русской паремике

В статье анализируются русские паремии, представляющие собой стилистический прием акротезы; дается дефиниция приема, рассматривается семантика контрастивного отрицания, выявляются особенности акротезы с повтором тематического компонента в сопоставлении с антитезой и простой акротезой.

Ключевые слова: паремия, стилистический прием, акротеза, антитеза, отрицание.

В пословичном фонде русского народа немалое количество паремий представляют собой стилистический прием акротезы: *Не краса красит человека, а ум* (ЗС, 241); *Не красна книга письмом, а красна умом* (Д-1,365).

Под акротезой принято понимать "подчеркнутое утверждение одного из признаков или явлений реальной действительности за счет отрицания противоположного" [4, с.426]. Все ученые, которые вслед за Л.А.Введенской [5] используют термин *акротеза* [1; 2; 8; 13 и др.], тем самым отличают данный стилистический прием от антитезы. Другие лингвисты считают ее разновидностью антитезы, например, "Антитеза-1" у Л.А.Матвиевской [9]. При этом и первые, и вторые выделяют одни и те же средства выражения: отрицательную частицу *не* при одном из антонимов, противительный союз *а (но)*, одинаковым образом описывают механизм выражения значения (утверждение одного из противоположных признаков и отрицание другого), приводят аналогичные примеры [4, с.426; 9, с.68].

В вопросе о разграничении антитезы и акротезы более обоснованной и последовательной представляется позиция Л.А.Введенской, которая писала о том, что сочетание *не слабость, а мужество* (*В них, в этих слезах мужика ...Не слабость, а мужество было*) "не образует антитезу, так как здесь не столько сравниваются противоположные признаки, сколько утверждается наличие одного признака" [4, с.426].

К этому следует добавить и другие отличия акротезы от антитезы. В антитезе в отношениях противоположности находятся два высказывания, имеющие форму простых предложений, и, соответственно, входящие в их состав 2 и более симметрично расположенных оппозиции. Так, в паремии *Велик телом, да мал делом* (СД-1,510) противопоставляются тезисы, организованные в параллельную конструкцию *велик телом ≠ мал делом*, контрастную оппозицию составляют и элементы, занимающие идентичные синтаксические позиции в параллелях, т.е. контрастируют и темы, и ремы *велик – мал, телом – делом*. Соответственно, антитеза, как правило, является сложным предложением, в котором актуализируется, подчеркивается контраст двух признаков, явлений.

В акротезе *Жена хороша не телом, а делом* (С,118) пара *телом – делом*, выражающая одну из основных семиотических оппозиций

паремиологии (Сущность – Наружность), составляет единый отрицательно-утвердительный логико-грамматический предикат: *Жена хороша – не телом, а делом*, члены противопоставления *не телом, а делом* выступают в качестве ремы сообщения, раскрывая одну тему (чем хороша жена). Отрицаемый член выполняет функцию контрастного фона для утверждаемого элемента противопоставления, тем самым усиливая его коммуникативную значимость. Таким образом, стилистическое назначение акротеzy отличает данный прием от антитезы. Дефиницию приема предлагается скорректировать следующим образом: **акротеza** – прием актуализации утверждения одного из предметов (признаков, явлений) действительности путем отрицания его альтернативы [подробнее о приеме акротеzy см.: 3].

Особую разновидность акротеzy представляют собой пословичные высказывания, в которых тема или ее компонент повторяется и в негативной, и в позитивной частях суждения: *Не кидается девица на цветное платье, кидается девица на ясного сокола* (СД-4,262); *Не боится волк собаки, а боится звяги* (Д-2, 24); *Не итука – промашка, итука – поправка* (Д-1,371); *Не хитро взять, хитро отдать* (Д-2,41).

В связи с тем, что в акротеze с повтором тематического компонента отрицательная частица *не* может присоединяться и непосредственно к члену противопоставления, не являющемуся сказуемым: *Не вина дорога, дороги блудни* (РС,100); *Не перо пишет, не чернилица – пишет горяча слеза* (Д-1,120), и к сказуемому: *Не дорого дело, дорого угодые* (Д-2,180); *Не кует железа молот, кует кузнец* (Д-1,369), возникает вопрос о качестве негации. Контрастивное отрицание представляет собой классический пример так называемого частного или неполного отрицания, когда отрицается лишь один из компонентов предложения. Однако в научной литературе высказывалась точка зрения, согласно которой частное отрицание базируется на общей негации, и предложения типа *Они строили не городок, а город* можно интерпретировать "как результат трансформации двух однородных предложений с адверсативной связью: одного общеверификативного и одного утвердительного информативного: *Они не строили городок + Они строили город*" [7, с.204].

Данная точка зрения представляется не вполне корректной. С позиций логического анализа языка при развертывании этого противопоставительного предложения адекватной является трансформация *Они строили не городок + Они строили город*, которой по теории семантического отрицания [11, с.7] соответствует перефразировка 'Они строили что-то, но неверно, что это был городок, а верно, что это был город', т.е. и на глубинном уровне сохраняется "частный" характер отрицания. Это наглядно видно при анализе таких пословиц, как *Не гребень голову гладит (чешет), а время* (Д-1,405); *Не лошадь везет, а овес* (Д-2,269); *Не лошадь, а корм везет* (Д-1,393). Подобные высказывания не могут быть объяснены как слияние общеотрицательного и

утвердительно-отрицательных предложений **Гребень голову не чешет + Время голову чешет*; **Лошадь не везет + Овес (корм) везет*, ибо отрицательные предложения заключают в себе фактическую ошибку; информация, передаваемая ими, не соответствует действительности, главному назначению описываемых предметов, что недопустимо в генеритивном регистре речи (в пословицах). Более правильным будет соотнести данные пословицы с синонимичными *Не гребень холит, а холит время* (Д-1,405); *Не кони везут – овес везет* (Д-1,393), в которых неполное отрицание не создает референтной аномалии, а является своего рода подготовкой, обоснованием последующей метафоры *время голову чешет, овес везет*.

Аналогичные соответствия акротезы без повтора и с повтором тематического компонента представляют следующие варианты пословиц: *Не душа лжжет, мошна (о честном неплательщике) – Не я лгу, мошна лжжет* (Д-1, 82); *Не вор ворует, а поноровщик* (Д-1,184) – *Не вор вор, а передатчик вор* (Д-1, 142). В данных парах и в простых предложениях, и в сложных отрицание стоит при том слове, к которому оно относится по смыслу. Семантическое развертывание контрастивного отрицания, заключающееся в соединении однородных отрицательного и утвердительно-отрицательных предложений, не изменяет "частного" характера противопоставительного отрицания.

С другой стороны, именно в той разновидности паремий, когда тема противопоставления повторяется и в негативной, и в позитивной частях, отрицательная частица очень часто присоединяется к сказуемому, хотя по смыслу относится к подчиненному ему слову: *Не смотрят на платье – смотрят на разум* (РС, 102); *Не летит пчела от меду, а летит пчела от дыму* (Д-1,405); *По полугорю не плачут, а плачут (или: тужат) по целому* (Д-1,127); *Вором густо не будет, а пусто будет* (РС,24) или подлежащему: *Не нужен ученый, а нужен смышленный* (Д-1,374); *Детям не порча игрушка, а порча худая прислужка* (Д-1, 322). О смещенном характере отрицания можно судить по обилию вариантов пословиц, один из которых представляет собой простую акротезу (неполное сложное предложение с отрицанием при одном из членов противопоставления), а другой является сочетанием отрицательного и утвердительно-отрицательных предложений с однородными сказуемыми: *Живи не как хочется, а как можется* (24) – *Не живи как хочется, а живи как можется* (Д-1,47); *Не работа сушит, а забота* (С, 285) – *Не сушит человека работа, сушит забота* (С, 290); *Хлеба к завтраму оставляй, а не дела* (С,428) – *Не оставляй не завтра дела, а оставляй хлеба!* (Д-1,378); *Не наси дела, наси хлеба* (Д-2,4).

И в более поздних литературных трансформациях пословиц, построенных на основе стилистического приема акротезы, сохраняется смысловая синонимия и стилистическая близость простой и тавтологической акротезы. Например, широко известная пословица *Не*

красна изба углами, а красна пирогами (Д-2,181) имеет следующие видоизменения в литературных произведениях: "И. Ильф употребил эту поговорку так: *Не красна изба углами, а красна управдомами*" (Ж,499); ".. Я думаю о том, что если изба красна не углами, а пирогами, то улица красна хорошими людьми (В. Степанов, "Серп земли")" [17, с.78].

Исследуя синонимию высказываний с разным расположением отрицания, О.В.Озаровский отмечал, что "стилистически противопоставлено переносить на сказуемое отрицание с члена предложения, имеющего противопоставление, так как это потребует повтора сказуемого перед каждым членом противопоставления" и приводил пример: *Приглашали не одного тебя, а всех - Не приглашали одного тебя, а приглашали всех* [10, с.43]. В данном наблюдении представляется верной мысль о том, что смещение отрицания с противопоставляемого члена на подчиняющееся его сказуемое сопровождается повторением сказуемого перед утверждаемым членом, хотя, как было показано выше, на более ранних этапах развития русского языка были возможны конструкции со смещенным отрицанием и без повтора сказуемого.

Возражения вызывает лишь формулировка "стилистически противопоставлено". Видимо, О.В.Озаровский имел в виду прежде всего нейтральный стиль речи, а не художественно-поэтический язык, в котором повторы играют чрезвычайно важную роль. Как известно, повтор – это всегда соотношение одинакового и различного, а со-противопоставление эквивалентных и неэквивалентных элементов является основным принципом построения художественного текста [12, с.329], особой разновидностью которого являются паремиологические тексты.

Однако вопрос о стилистической целесообразности повторов в поговорке не имеет однозначного для всех случаев решения. С одной стороны, композиционно-синтаксические требования жанра поговорок, "максимально сжатого и скупого по внешне-языковым средствам, но поразительно емкого по содержанию" определяют то, что в поговорке "вообще нет места для повторений" [16, с.101]. Квалифицируя конструкции типа *Не человек гонит, а время* как сложносочиненные предложения с типизированно неполной второй частью, З.К.Тарланов подчеркивал, что "нормативность, обычность, узуальная распространенность второй части в неполном виде – это показатель не ее грамматического статуса, а вполне понятной стилистической предпочтительности, устраняющей тавтологию" [15, с.179].

С другой стороны, говоря о требованиях жанра и стилистической предпочтительности конструкций, экономящих языковые средства, не следует оставлять вне поля зрения стилистическую значимость повтора в художественной речи, его композиционный и смысловой потенциал. Выводы, сделанные относительно всего корпуса поговорок и справедливые

в целом, не могут быть механически перенесены на конкретные разновидности паремий.

Анализ стилистического приема акротезы на материале пословиц убеждает в том, что распространенность простой акротезы и акротезы с повтором (или сложных предложений с неполной второй частью и сложносочиненных предложений) практически одинакова. В то же время, очевидно, что формулы с отрицательно-утвердительным повтором тематического компонента тяготеют к определенным структурно-семантическим вариантам акротезы: противопоставлениям со смещенным на сказуемое отрицанием, в том числе, волюнтивным высказываниям.

Как правило, повторяющиеся тематические элементы отличаются друг от друга лишь наличием / отсутствием отрицательной частицы *не*, и только в редких случаях повтор является вариативным. Вариативность компонентов темы противопоставления создается употреблением синонимов *диво – диковинка, бояться – беречься, спешить – торопиться, кормить – потчевать*: **Не диво играть, но диковинка перестать играть** (РС,42); **Не бойся начала, а берегись конца** (ППЗ,74); **Не спеши языком, а торопись делом!** (Д-2, 65); **Не спеши языком, торопись кочадыком** (Д-2,65); **Не потчуй лошади ездом, а корми тестом; не гладь рукой, посыпай мукой** (СД-2,270), изменением формы слова с эвфонической целью: **Не то беда, что во ржи лебеда; а то беды, как ни ржи, ни лебеды** (Д-1,28). Иногда "отступления" от буквального повтора, к которому тяготеют пословицы данного типа, могут быть объяснены не только семантической близостью слов, обозначающих тему, но и контаминацией вариантов пословицы, различающихся отдельными словоформами: *Не я еду, нужда везет – Не я (Не сам) еду, нужда едет; Не я везу, нужда везет* (Д-1,89); *Не красна челобитная складом, складна указом* (Д-2,181) – *Не складна челобитная складом, складна указом (смыслом); Не складна (Не красна) письмом, складна (красна) вымыслом* (Д-1,365).

Свойственная акротезе с повтором частичная эквивалентность на фонологическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях создает характерный для устной традиции ритм и семантическую полифонию, смысловую неоднозначность.

К примеру, если темой противопоставления является какой-либо признак, то формула с тавтологией и смещенным отрицанием *Не каков А, (а) каков Б* оказывается семантически более насыщенной и емкой, нежели нейтральная противопоставительная конструкция *Каков не А, (а) Б* и ее стилистически маркированные варианты без повтора. Во-первых, она выражает доминантное для акротезы значение актуализированного утверждения одной из альтернатив за счет исключения другой, свойственное и иным вариантам контрастивного противопоставления: *Не дорога засидка, дорога отсидка* (или *высидка*, т.е. дегтя) (Д-2,7), где *сидеть* значит "гнать деготь" (СД-1,42.5), *засидка* – "начало сидки" (СД-

1,362), а *отсидка* – "окончание сидки дегтя" (СД-2,754). Другими словами, 'дорого не начало процесса (выгонки дегтя), а его конец'; *Не рада баба повою рада покою* (РУГ, 117), т.е. "не рада замужеству" (СД-3,143), где *повой* – "русский головной бабий убор,... фата" (СД-3.143); *Не страшны злыдни в три дни, а страшны в три года* (Д-1,256) – 'горе, беда, слезы, гонения и пр. страшны только на долгий срок'.

Особенно ярко противительное значение негативной и позитивной оценок истинности двух альтернатив проявляется при сопоставлении антонимов (как узуальных, так и окказиональных) и элементов традиционных для паремииологии тематических оппозиций, таких как Содержание – Форма: *Не красна книга письмом, красна умом* (Д-1,365); *Не красна изба углами, а красна изба друзьями* (ИБ-3,43); *Не тесна изба углами, а тесна умами* (Ж, 150); *Не красна сказка письмом, красна вымыслом* (ЗС,378).

Кроме того акротеиза с повтором, в которой тематический компонент обозначен признаковыми словами, нередко выражает компаративное значение: *Не дороги обабки (грибы), дороги прибавки (приправа)* (Д-2,281) – 'приправа дороже грибов'; *Не нужны нам праведники, нужны угодники* (т.е. *угождающие*) (Д-1, 33) – 'угождающие нужнее, чем праведники'; *Не дорого пито, да дорого бито (потчеванье)* (Д-2,253) – 'угожденье, потчеванье дороже самой еды, питья'.

На компаративные отношения между членами противопоставления нередко указывают и толкования пословиц, например: пословица *Не красна изба углами, а красна пирогами* "говорится, когда придают большее значение гостеприимству и приветливости хозяев, чем внешнему виду жилища" [17, с.78]. Сборник пословиц И. Богдановича 1785 г. отличается тем, что его составитель искусственно придал пословицам стихотворную форму, искажив многие пословицы [18, с.308] и включив толкование иносказательного смысла в текст пословиц. В этой связи весьма характерна его переделка пословицы *Добродетель не в словах, а в делах: Не знатна добродетель в словах, а знатна она боле в делах* (ИБ-3,4), в которой использована и конструкция *Не какова..., (а) какова*, и форма сравнительной степени прилагательного *боле знатна*.

Весьма показательно также сравнение одного древнерусского изречения и его перевода, сделанного знатоком языка и культуры Древней Руси В.В. Колесовым: *Дивья дело починать, да худо кончатъ – тяжело* (ТФ,343) – *Не диво дело начать – диво кончить* (ТФ,348), в котором было не просто заменено устаревшее наречие *дивья* – "не диво, нечему дивиться... сполгоря" (СД-1,435) на современное *не диво*, но использован прием тавтологии, сделавший высказывание более ритмичным и в то же время сохранивший компаративные отношения 'полгоря начать – тяжело (= горе) кончить', т.е. 'кончить тяжелее, чем начать'.

В случаях, когда сравниваются элементы, соотносящиеся как целое и часть, например, *квас – изюминка в квасу*, компаративные отношения

между ними служат выделению элемента, в котором то или иное качество проявляется наиболее сильно: *Не дорог квас, дорога изюминка в квасу* (Д-2-253) – ‘самое ценное в квасу – изюминка’.

Аналогичным образом могут трактоваться изречения, в которых сравниваются смежные, сопутствующие друг другу предметы, явления, например, *песня – погудка* "напев, мотив" (СД-3,158), *песня – устав(ка)* "способ, образ, манера пенья" (СД-4,514), *камочка (=каемочка?) – узор: Не дорога песня, дорога уставка (или устав)* (Д-1-369); *Не дорога песня, дорога погудка* (СД-1,474); *Не дорога пляска, а дорога уставка (или погудка)* (Д-1,369) – ‘самое дорогое в песне (пляске) – мотив (манера)’; *Не дорога камочка, дорог узор* (С. 271) – ‘самое ценное в камочке – узор’; *Не дорога гостьба, а дорога дружба* (С,271); *Не дорога гостьба, дорога дружба* (Д-2-245) – ‘в гостьбе самое дорогое – дружба’.

Как правило, для пословиц данной структуры характерен не один, а целый пучок смыслов. Так, поговорка *Не дорог подарок, дорога любовь* (Д-2,245), трансформировавшаяся из строки народной песни, совмещает в себе следующие значения: ‘ценится не сам подарок, а любовь, которую он символизирует’, “Добрые чувства, хорошие отношения дороже, приятнее подарков” [17, с.77], ‘самое ценное в подарке – чувство, с которым он преподнесен’, и подобные. Семантически неоднозначна поговорка *Не крепка тюрьма углами – крепка сторожем* (РС,101), которая может одновременно выражать содержание: ‘крепость тюрьмы заключается не в ее углах, а в стороже’, ‘сторож надежнее крепких тюремных стен’, ‘сторож – это главное, что обеспечивает крепость тюрьмы’.

К тому же в конструкции *Не каков А, (а) каков Б* смещение отрицания на признак в первой части и повтор признакового слова во второй углубляют контрастность обозначенных альтернатив за счет их оценочной квалификации, поэтому тавтологическая акротеза оказывается более экспрессивной, художественно преувеличенной формой, нежели формула *Каков не А, (а) Б*. В поговорке *Не дорог подарок, дорога любовь* ценность самого подарка представляется значительно меньшей, чем в ее возможных трансформациях *Дорог не подарок, а любовь; Не подарок дорог, а любовь*, в которых делается выбор референта, более достойного квалификации *дорог*, а не оценивается сам подарок.

Различая стилистические приемы антитезы и акротезы, следует подчеркнуть, что между ними нет непреодолимой границы. Как уже отмечалось, в акротезе представлена отрицательная предикация, а в антитезе отрицание, как правило, имеет форму отрицательной номинации [о двух формах отрицания см.: 14,74]. Но эти две формы отрицания не всегда имеют четкие различия, что отражается, к примеру, орфографией: *Не дорог виноград Терской, дорог хлеб деревенской, не много укусишь, полон рот нажуешь* (С, 271) – *Недорог виноград терский, дорог хлеб деревенский, немного укусишь, а полон рот нажуешь* (Д-2,276).

Нельзя отнести к акротезе, например, высказывания, в которых отрицание при одном из повторяющихся глаголов является несмещенным: *Что наяву делают, того не боятся; а что во сне видят, того боятся* (Д-2,27); *С поста не мрут, а от обжорства мрут* (ППЗ,140). В них отрицательный и позитивный глаголы раскрывают разные темы 'что наяву делают' – 'что во сне видят'; 'с поста' – 'от обжорства', что позволяет причислить эти пословицы к антитезе.

Не представляют собой акротезу также паремии, в которых сказуемые представлены глаголами будущего времени совершенного вида: *Не выучит школа, выучит охота* (Д-1,367); *Не выучишь перхотой (неволей), выучишь охотой* (СД-3,103), ибо они являются бессоюзными сложными предложениями, выражающими значение условия – следствия.

В плане взаимодействия 3 данных приемов (антитезы, акротезы с повтором и акротезы без повтора тематического элемента) весьма показательна история пословицы о вине и пьянстве, которую исследователи возводят к словам, приписываемым апостолу Павлу и известным в славянском переводе с IX века: *"Мед в веселие дано бысть богом, а не пьянство сотворено бысть*. Веками обкатывая его в речах-разговорах, отлили наконец и в присловье, сказанное на одном дыхании: *Невинно вино – виновато пьянство*" [6, с.8]. На пути к этой антитезе, обыгрывающей внутреннюю форму слов, опробованы и различные формы контрастивного отрицания. Так, в Сборнике пословиц А.И.Богданова (XVIII в.) зафиксированы противопоставления и с повтором, и без повтора тематического компонента, при этом в обоих вариантах отрицание является смещенным: *Вино не винить, но пьянство; Не зло вино, но зло пьянство* (РС, 70). В "Пословицах русского народа" В.И. Даля абстрактное зло во всех случаях заменено на конкретную *вину*, а негированный глагол и в "простой" акротезе, и в варианте с тавтологией переместился в абсолютное начало предложения: *Не винит вино, а винопийство; Не винит вино, винит пьянство* (Д-2, 268). Последнее из выражений характеризуется особым ритмическим и смысловым рисунком, определяемым синтаксическим параллелизмом и начальным *не*, т.е. формой, близкой к традиционному для народной песни отрицательному сравнению, троекратным звуковым повтором *вин-*, оттенившим смысл единственного фонетически несходного с другими словами синтагмы слова *пьянство*. Но актуализация контраста оппозиции *вино – пьянство* стала возможной лишь тогда, когда синтаксическое отрицание было усилено до номинативного, когда противоположность негированного и нейтрального (позитивного) глаголов переросла в словообразовательную антонимию признаков *невинно – виновато*: *Невинно вино, а проклято (виновато) пьянство* (Д-2,268). Об этой пословице профессор В.В.Колесов проницательно заметил: "В скоморошьей рифмовке ощущается некая потайная лукавинка, которая и сама по себе много значит: подсмеиваются веселые люди, а игра образов,

выраженных в слове, мало-помалу завязавшись в отточенной форме, остается разящим клинком, усиливая твердость речения: "невинно – **вино** – виновато – пьянство". Как и во многих других случаях, старинное значение слова *вина* – "причина" разошлось-рассыпалось в игре слов, за которыми так и встает исконный смысл корня: *вина* – причина, и *вино* – причина" [6, с.9]. Добавим, что связанность вины и вина в народном сознании отражена также в сентенции *Вино вину творит* (Д-2, 268) и пословице-акротезе *Не вино винит, а вина* (Д-2,268).

Итак, акротеза с повтором тематического элемента занимает промежуточное положение между антитезой и приемом контрастивного отрицания. По своей форме (двухчастная параллельная конструкция) она ближе к антитезе, по семантике и стилистическому назначению (актуализированное утверждение одной альтернативы путем отрицания другой) – к акротезе.

Противоположность или сходство приемов антитезы и акротезы, зависит, на наш взгляд, от сильного или слабого характера отрицания в акротезе. Предельный характер отрицания проявляется в "категорическом" варианте акротезы, наиболее близком к антитезе, когда эффект усиления высказывания и актуализации сделанного выбора достигается устранением одной из альтернатив: *Не страшны злыдни в три дни, а страшны в три года* (Д-1,256). Непредельный характер отрицания в акротезе обуславливает градационно-сопоставительный характер отношений между утверждаемым и отрицаемым, где коррекция не отменяет одну из альтернатив, а лишь расставляет акценты между ними: *Не красна изба углами, а красна пирогами* (Д-2,181). В волюнтивном регистре сильное отрицание создает строгое предписание, сочетающее рекомендацию с запретом: *Не бойся горькаго, бойся сладкаго!* (С,491), а на слабом отрицании основываются пословицы, в которых отрицательный императив не выражает запрета, а служит экспрессивному выделению того, о чем говорится в побудительной части высказывания: *Не думай быть нарядным, а думай быть опрятным!* (С,271).

Таким образом, прием контрастивного отрицания основывается на существенном различии двух предметов (признаков, явлений), однако акротеза может оперировать и отношениями семантической полярности, максимально сближаясь с антитезой. Синтаксический и семантический параллелизм акротезы с повтором тематического компонента определяет ее сходство с антитезой, которое в одних случаях является лишь формальным (при косвенном выражении компаративных отношений), в других – формально-содержательным (при сильном отрицании); в то же время "простая" акротеза и по содержанию, и по форме, и по стилистическому назначению противопоставлена антитезе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Балахонская, Л.В. Языковые антонимы и контекстно противопоставляемые слова как средство создания контраста в произведениях А.Вознесенского: Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук [Текст] / Л.В.Балахонская. - Л.,1987. - 17 с.
2. Биценцова, Л. Лексические антонимы в романах Ю.Бондарева "Берег" и "Выбор": Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Л.Биценцова. - Воронеж, 1987.- 20 с.
3. Бочина Т.Г. Стилистический прием акротезы (на материале русской паремии) [Текст] / Т.Г.Бочина.- Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета.- №1 (8).-2007.- С.48-54.
4. Введенская, Л.А. Словарь антонимов русского языка [Текст] / Л.А.Введенская. - Ростов-на-Дону: Изд-во "Феникс", 1995. – 543 с.
5. Введенская, Л.А. Стилистические фигуры, основанные на антонимах [Текст] / Л.А.Введенская // Уч. зап. Курск., Белгород. пед. ин-тов. - Т. XXV. Вып. 2- Курск, 1966. – С. 128-135.
6. Колесов, В.В. Афористика Древней Руси [Текст] / В.В.Колесов // Мудрое слово Древней Руси (XI – XVII вв.). - М., 1989. – С. 5-22.
7. Кржижкова, Е. Заметки о месте негации в языковой структуре [Текст] / Е.Кржижкова // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. - М., 1969. – С. 187-205.
8. Кун, Цзин. Textoобразующие функции антонимов в рассказах А.П.Чехова: Дисс. ...канд. филол. наук. - М., 2000. – 162 с.
9. Матвиевская, Л.А. Контраст и антитеза (На материале произведений М.Ю.Лермонтова) [Текст] / Л.А.Матвиевская // Русский язык в школе. - 1978. - №5.- С. 65-72.
10. Озаровский, О.В. Синонимия высказываний с разным расположением отрицания [Текст] / О.В.Озаровский // НДВШ, Филологические науки.- 1981.- №3. – С. 40-47.
11. Падучева, Е.В. Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке [Текст] / Е.В.Падучева // Машинный перевод и лингвистика.- Вып.12.- М., 1969. – С. 5-35.
12. Панова, Е.А. Звук и смысл (повтор в стихе) [Текст] / Е.А.Панова // Семантика языковых единиц: Доклады VI Междунар. конф. - Т.2.- М., 1998. – С. 326-329.
13. Салех, Газуан Абдульхади. Стилистические функции антонимов в русской и арабской публицистике: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Г.А.Салех. - М., 2000. – 21 с.
14. Степанов, Ю.С. Современные связи лингвистики и логики [Текст] / Ю.С.Степанов // Вопросы языкознания. – 1973.- №4. – С. 62-75.
15. Тарланов, З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика [Текст] / З.К.Тарланов. - Петрозаводск: Изд-во Петрозаводск. ун-та 1999. – 448 с.

- 16.Тарланов, З.К. Сравнительный синтаксис жанров русского фольклора [Текст] / З.К.Тарланов.- Петрозаводск: Изд-во Петрозаводск. ун-та, 1981. – 104 с.
- 17.Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. – 2-е изд., испр. и доп. - М.: Рус. яз., 1988. – 272 с.
- 18.Шахнович, М. Краткая история собирания и изучения русских пословиц [Текст] / М.Шахнович // Советский фольклор. - М.; Л., 1936. - № 4-5. – С. 299-368.

Источники и сокращения

- Д Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2-х т. -М.: Худ. лит., 1996.
- Ж Русские народные пословицы и поговорки / Сост. А.М.Жигулев. – 3-е изд., испр. и доп. – Устинов: Удмуртия, 1986. – 512 с.
- ЗС Зимин В.И., Спиринов А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М.: Сьюита, 1996. – 544 с.
- ИБ Богданович И.Ф. Русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем. СПб.: Изданием импер. АН, 1785. – Ч. 1-3. -
- ППЗ Пословицы. Поговорки. Загадки. / Сост. А.Н. Мартынова, В.В. Митрофанова. - М.: Современник, 1986. – 512 с.
- РС Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII-XX вв. / Изд-е подгот. М.Я.Мельц. - М.-Л.: АН СССР, 1961.- 289 с.
- РУГ Сбор разных пословиц и поговорок // Российская универсальная грамматика или всеобщее писмословие. СПб, 1769. – С. 109-125.
- С Русские народные пословицы и притчи, изданные И.Снегиревым с предисловием и дополнениями. - М.: В университет. тип., 1848 (1995). – 503 с.
- ТФ Псковские пословицы и поговорки XVII в. в записи Тёни Фенне // Мудрое слово Древней Руси (XI – XVII вв.). М.,1989. – С. 343-351.

Статья публикуется впервые.

30.06.2011 г.

Аннотация на английском языке.

Acrothesis with repeating of thematic component in russian paroemias.

The article analyzes russian paroemias, which represent a stylistic device of acrothesis; gives a definition device, considers semantics of contrastive negation, reveals the acrothesis features with repeating thematic component in comparison with the antithesis and simple acrothesis.

Keywords: paroemia, stylistic device, acrothesis, antithesis, negation.

Сведения об авторе:

Татьяна Геннадьевна Бочина

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного ГОУ ВПО «Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет».

Е-mail: tbochina@yandex.ru, тел. 8 917 2850979

Адрес: 420057, г.Казань, ул.Октябрьская, д.23-а, кв.78